

В тот миг, когда Сюань Минь уже почти полностью отворил каменную дверь, та вдруг наткнулась на какое-то препятствие, глухо стукнулась и замерла — дальше её сдвинуть не удавалось, будто что-то заклинило.

— За дверью что-то есть! — произнёс Лу Няньци, и в его голосе послышалась с трудом сдерживаемая дрожь.

Сюань Минь не бросился сразу разглядывать помеху, а сначала осветил факелом пространство впереди.

— Мать моя! — не выдержал Лу Няньци, вскрикнув от ужаса.

На самом деле, судя по тому, что озарял огонь, это был всё тот же переходный коридор, ничем не отличающийся от предыдущей каменной комнаты, лишь поуже да подлиннее. Но то, что по-настоящему испугало Лу Няньци, были стены: на них были изображены тотемы свирепых зверей, ещё страшнее, чем страж гробницы. Однако выполнены они были не тушью и не красками, а чем-то красным.

— Э-это... кровью что ли? — Лу Няньци, в конце концов, был ещё молод, и первым не выдержал, запаниковав.

Такие огромные рисунки — сколько же крови понадобилось?!

Цзян Шинин, человек мягкого нрава, тоже вздрогнул, но быстро опомнился:

— Вряд ли. Принюхайся — будь это кровь, в склепе стоял бы запах ржавчины.

— Верно, — быстро успокоился Лу Няньци, глубоко вдохнув. — Запаха крови нет.

Едва он пришёл в себя, как заметил новые детали. Например, цвет тотемов был уж слишком ярко-алым. Если бы это была кровь, давно бы уже потемнела до бурого.

— Киноварь, — произнёс Сюань Минь, бросив взгляд на стены.

Использовать в гробнице кровь или изображения зверей — понятно, но киноварь... это уже наводило на размышления. Ведь киноварь обладает свойством отгонять злых духов и усмирять призраков. Нарисовать ею тотемы стража гробницы — значит не пожелать покоя усопшему или благополучного перерождения, а навеки обречь его душу на заточение. Поступок поистине жестокий.

Цзян Шинин, хоть и не бывал в больших усыпальницах и вообще впервые в жизни бродил по чужим склепам, плохо разбираясь в погребальных обычаях, о киновари знал немало. Врачеватель с детства, он с молоком матери впитал свойства многих снадобий, их не нужно было специально заучивать. Но он и так любил в свободное время листать трактаты о лекарственных растениях, включая и те, где речь шла о киновари.

— Киноварью зверей рисовать... — пробормотал он. — Да кто же так ненавидел того, кто здесь лежит? Какая же обида заставила пойти на такое?

Однако Сюань Минь остановил его жестом:

— Возможно, в гробнице орудует нечто нечистое.

Если погребённый никак не обретёт покой, те, кто строил усыпальницу, могли в отчаянии

добавить киноварь — для защиты.

Строить догадки было бесполезно, и Цзян Шинин с Лу Няньци умолкли. Они заметили, что Сюань Минь уже оставил стены и направился за дверь, и поспешили следом.

Увиденное заставило Лу Няньци побледнеть.

За дверью действительно что-то было — то самое, что не давало ей открыться до конца. Но преградой оказались не какие-то диковинные предметы, а люди. Двое: старик и юноша.

Пожилой съёжился на полу, прижимая рукой плечо. Его стёганный халат был в пыли и грязи, в нескольких местах порван, а на тыльной стороне ладони виднелись синяки — видимо, он ударился при падении.

Юноша же сидел, прислонившись к стене, с закрытыми глазами и побелевшими губами. Он казался хилым и тщедушным, даже более subtilным, чем Цзян Шинин, исхудалым до того, что скулы резко выступали. В руке он сжимал сухую деревянную ветку — их было примерно три, перевязанных вместе красной верёвкой, с переплетёнными ответвлениями.

Будь Сюэ Сянь сейчас способен высунуться из мешочка, он узнал бы и эту ветку, обмотанную красной нитью, и самого юношу — это был не кто иной, как тот, кого они искали: Лу Шицзю.

— Шицзю?! — на миг опешив, Лу Няньци бросился к нему. Сперва он растерялся: можно ли трогать брата? Но, убедившись, что на видимых частях тела нет пугающих ран, не выдержал и принялся трясти Лу Шицзю за плечи.

— Шицзю! Лу Шицзю! Очнись! — кричал он, и, не получив ответа, толкнул лежащего старика:

— Старик Лю! Старик Лю, проснись!

Цзян Шинин шагнул вперёд:

— Дайте я посмотрю.

Но едва он собрался наклониться, как Лу Шицзю, смертельно бледный, не вынеся тряски, с трудом приоткрыл глаза.

Очнулся и съёжившийся на полу старик Лю — будто во сне сорвавшись в пропасть, он дёрнул ногами и резко раскрыл глаза. Помутневшим взором он какое-то время бессмысленно смотрел в пустоту, а затем медленно поднялся, опираясь о пол.

Цзян Шинин поспешил наклониться и помочь ему выпрямиться.

Старик Лю и Лу Шицзю какое-то время молча смотрели друг на друга, затем с тем же недоумением уставились на пришедших — видимо, после долгого обморока они не сразу сообразили, что происходит.

Цзян Шинин и Сюань Минь наблюдали за действиями Лу Шицзю и заметили, что тот и вправду, как говорил Лу Няньци, вёл себя весьма странно. Судя по его поведению, никак нельзя было сказать, что он слеп.

Лу Няньци хлопнул брата по плечу:

— Одурил, что ли? Ты же видишь ауры! Неужели меня не узнаёшь?

От этого толчка Лу Шицзю, кажется, наконец вернулся в себя. Он хрипло пробормотал:

— Няньци? — и уставился на брата. Его глаза, как ни посмотри, совсем не казались незрячими; когда он смотрел на Лу Няньци, в них даже отражался свет, совсем как у обычного человека, разве что чернее.

Однако спустя мгновение Цзян Шинин заметил в нём всё же проявление привычки слепого.

Лу Шицзю, похоже, узнавал людей очень медленно: он скользил взглядом, разглядывая Няньци сверху донизу, и, всё ещё не будучи уверенным, протянул руку и принялся ощупывать его лоб.

— Ай! — Лу Няньци втянул воздух сквозь зубы. — Опять за это место? Я же только что расшиб лоб, все родинки стёрлись.

Сюань Минь, услышав это, взглянул на него. Несколько мелких родинок на лбу Лу Няньци, в области жизненного дворца, и вправду были содраны, в двух местах кожа лопнула, запеклась кровь — действительно, мало похоже на прежнее.

Лу Шицзю, услышав это, взял руку брата и поднёс к своему носу, словно собираясь изучить и ладонь.

Няньци без лишних слов вырвал руку и нахмурился:

— Руку тоже не трогай. На лодке порезал, только начало заживать, а при падении снова расцарапал, опять кровит. Будешь так жать — совсем отнимусь.

Лу Шицзю молча опустил руку и кивнул — похоже, только теперь окончательно убедился, что перед ним брат. Он медленно, по слогам повторил:

— Лу Няньци.

На этот раз уже не вопросительно.

У себя во дворе Лу Няньци даже всплакнул от беспокойства, но теперь, отыскав Лу Шицзю, он снова стал выглядеть раздражённым, будто искал того не по своей воле. Цзян Шинин смотрел на это, теряясь в догадках.

Впрочем, вскоре он заметил, что и Лу Шицзю не лучше. Опознав брата и поднявшись с помощью Лу Няньци, он первым делом стряхнул с себя его руку — явно не любил, когда его поддерживают, — и тоже не проявлял особой радости, даже казался... необъяснимо холодным.

Что за дурацкие привычки?

Цзян Шинин с лёгкой досадой смотрел на братьев и наконец понял, что Сюэ Сянь имел в виду, говоря «не слишком близки».

Но он считал себя человеком, способным отличить искренность от притворства. И беспокойство Лу Няньци во дворе, и мимолётное облегчение на лице Лу Шицзю при опознании брата казались подлинными. Почему же, встав на ноги, они тут же начали строить из себя таких нелюбимых?

Поднявшись, Лу Шицзю спросил о состоянии старика Лю, а затем принялся возиться со своими ветками, больше не обращая ни на кого внимания.

Сюань Минь окинул его внимательным взглядом, затем взглянул на старика Лю и слегка нахмурил брови.

— Мастер, разве не этого юношу вы с братом Сюэ искали? — заметив его выражение, не удержался Цзян Шинин.

Сюань Минь кивнул и достал из потайного кармана золотую жемчужину.

<http://bllate.org/book/16289/1467903>